

Л20 $\frac{\Gamma-5}{43a}$

112
175

НЕКРАСОВ В РУССКОЙ КРИТИКЕ

СОСТАВИЛ А. ЕГОЛИН

О Г И З

Государственное издательство
художественной литературы

1944

А. ЕГОЛИН

ЛИТЕРАТУРНАЯ БОРЬБА ВОКРУГ НЕКРАСОВА

Вокруг творчества Некрасова как при жизни поэта, так и после смерти велись страстные споры. Даже на похоронах, над раскрытой могилой Некрасова, споры не прекратились. В прощальной речи Ф. М. Достоевский указал место Некрасова в истории русской поэзии вслед за Пушкиным и Лермонтовым, а молодые голоса закричали: «Выше, выше!»

Либеральные и реакционные критики уверяли, что поэзия Некрасова — подделка под народность. Не видя возможности замолчать мощное влияние революционной поэзии Некрасова, отражавшей «мечь и печаль» поднимающихся миллионных крестьянских масс, эти критики старались очернить поэта, силясь доказать, что причиной исключительной популярности Некрасова является отсутствие глубины мысли и чувства в его поэзии. Но более всего враждебные критики (Полевой, Авсеенко, Е. Марков и др.) пытались лишить Некрасова «права на звание народного поэта», уверить читателей в неискренности Некрасова, стремившегося будто бы к «угождению толпе».

Во всеуслышание реакционные критики обвиняли Некрасова в революционной непоследовательности и ренегатстве, а втихомолку строчили доносы начальству. Так, например, Фаддей Булгарин доносил: «Некрасов — самый отчаянный коммунист: стоит прочесть стихи его и прозу в С.-Петербургском Альманахе, чтоб удостовериться в этом. Он страшно вопиет в пользу революции» («Былое», кн. 10, 1906, стр. 283).

Надо видеть классовую основу споров по поводу творчества великого народного поэта. Надо понять, что Некрасов и его враги — это два непримиримых лагеря. Некрасов — соратник крупнейших революционеров 60-х годов — Чернышевского, Добролюбова, М. Михайлова. Поэзия Некрасова отразила характерные черты крестьянского движения 40—70-х годов, борьбу эксплуатируемого народа против его угнетателей и крепостнического строя.

Революционные убеждения Некрасова были настолько сильны, что он никогда не считал нужным оправдываться от вздорных и клеветнических обвинений. Некрасов понимал, что он и его враги — два антагонистических лагеря, у которых нет и не может быть ничего общего. Тут Некрасов никаких компромиссов не знал, гордо и решительно заявляя противникам — «судьям» его творчества:

Против твоей я публички пишу,
Но только я не для неё пишу.
Увы! писать для публички, для света —
Удел не русского поэта...
Друзья мои по тяжкому труду,
По Музе гордой и несчастной,
Кипящей злобою безгласной!
Мою тоску, мою беду
Пою для вас...

Некрасов всю жизнь терзался из-за того, что не мог для борьбы с царизмом уйти в подполье, стать практическим революционером, подобно Н. Г. Чернышевскому, М. И. Михайлову и другим своим единомышленникам.

Гениальный поэт, воспитавший целые поколения революционных борцов своими стихами, создатель легальной трибуны русской демократической мысли (журналы «Современник» и «Отечественные записки»), Некрасов, тем не менее, бичевал себя за то, что не ушёл «в стан погибающих», что к революционной цели шёл, «не жертвуя собой». Отсюда — самоосуждение, покаяние Некрасова.

Что враги? Пусть клеветут язвительней,
Я пощады у них не прошу,
Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу!

Единством убеждений следует объяснить те искренние чувства горячей любви к Некрасову со стороны Чернышевского и Добролюбова, которые они неизменно проявляли в течение всей своей жизни.

Обстоятельства для Некрасова складывались исключительно неблагоприятно: его друзья быстро оставляли общественное поприще — одни рано умирали, как Белинский и Добролюбов, другие оказывались заживо погребёнными в сибирской ссылке, как Чернышевский и М. И. Михайлов.

С большой горечью Некрасов признавал, что ему

...судьба
Посылала врагов долговечных,
А друзей уносила борьба.

О трудностях своего положения Некрасов говорит:

Боролся я один и безоружен
С толпой врагов; не унывал в беде
И не роптал.

Сочинения «неблагонадёжного» поэта Некрасова с особым усердием преследовались царским правительством. По выходе в свет сборника стихотворений Некрасова в 1856 г. министр народного просвещения издал приказ: «Запретить как перепечатание книги, так и всякие из оной выписки. Издателю «Современника»

в присутствии комитета объявить, что первая подобная выходка подвергнет его журнал совершенному прекращению; а цензору — что он будет отрешён от должности за первый пропуск чего-либо подобного» («Книга и революция», № 2 (14), 1921, стр. 40). Через год главное управление цензуры разъяснило, что ругать произведения Некрасова можно, но приводить цитаты из его стихотворений или давать отзывы «характера исключительно апологетического» воспрещается. Вот где одна из причин обилия враждебной критики Некрасову и отсутствия дружественной!

Стеснённый цензурными рамками, Некрасов сплошь и рядом пускался на вынужденную «перделку» стихотворений, которую сам рассматривал как моральную взятку.

После написания поэмы «Декабристки» Некрасов вынужден был её «испакостить», лишь бы она увидела свет. В 1872 г. он писал А. Краевскому о поэме: «Думаю, что в том испакощенном виде, в каком она была у вас — цензура к ней придаться не могла бы» (Н. А. Некрасов, Собр. соч., т. V, Письма, стр. 484).

То же Некрасов делал с поэмой «Несчастные», о которой он сообщал Тургеневу 18 декабря 1856 г.: «Не знаю, буду ли в состоянии кончить работу, в которую думал вылить всю мою душу... Кончивши, начну её портить; может и пройдёт, если вставить несколько верноподданнических стихов».

В «Пир — на весь мир» Некрасов вставил явно противоречащие духу всего произведения строки:

Славься, народу
Давший свободу!

К сожалению, исследователи даже в наше время недостаточно понимают революционную природу некрасовского творчества. Так, в 1920 г. в собрание стихотворений Некрасова были включены эти строки, *прославляющие царя Александра II, написанные, как свидетельствовала сестра поэта, «покойным братом со скрежежом зубов, — лишь бы последнее, дорогое ему детище увидало свет».

Как отметил М. С. Ольминский, издатель стихотворений Некрасова в 1895 г. сумел косвенно обойти цензуру, приложив к I тому факсимиле стихотворения «Русь», под названием «Песня Гриши», где этого куплета нет.

Только начиная с 1927 г. собрания стихотворений Некрасова стали выходить без упомянутых строк.

Насколько низок научный уровень исследовательской работы в отношении текстов поэзии Некрасова, показывает такой чудовищный факт: *до 1934 г. Некрасову приписывалась так называемая «муравьёвская ода», написанная сподвижником Муравьёва-вешателя Никотиным. Правда, Некрасов прочёл какое-то приветственное стихотворение Муравьёву, но оно осталось неизвестным.

Стоило бы только редактору сочинений Некрасова просмотреть

мемуарную литературу о Муравьёве, как он узнал бы и подлинного автора «муравьёвской оды», и протест этого автора против попыток приписывания его стихов Некрасову. Эту работу проделал Б. Бухштаб и убедительно доказал, что «муравьёвская ода» Некрасову не принадлежит. Мы вполне присоединяемся к выводу Б. Бухштаба, так квалифицирующего работы некрасоведов: «Каким же образом случилось, что Некрасову пятьдесят лет приписывались стихи муравьёвского опричника—это уже сфера не истории, а анекдота» * («Каторга и ссылка», кн. 12, 1933, стр. 145).

* * *

Советские литературоведы много и усиленно изучают творчество Некрасова. Достаточно обильна литература периода двух юбилеев Некрасова—1921 г. и 1928 г. В области анализа и характеристики содержания некрасовского творчества налицо бесспорные достижения. Исходя из ленинских оценок, наши литературоведы дали правильное понимание поэзии Некрасова. В этом отношении особенно выделяются работы А. В. Луначарского.

Значительная часть работ советских литературоведов создана под влиянием статьи Г. В. Плеханова, написанной к двадцатипятилетию со дня смерти поэта (Г. В. Плеханов, Собр. соч., т. X, «Н. А. Некрасов»).

Известно, что в своё время статья Плеханова имела крупное значение. Плеханов отметил демократический характер творчества Некрасова, противопоставил социальную направленность его поэзии творчеству дворянских писателей, не занимавшихся «крещёной собственностью» или изображавших народ «мимоходом и только в той мере, в какой он нужен художнику для того, чтобы изобразить душевное состояние героя-дворянина». Плеханов правильно подчеркнул громадное значение Некрасова как «поэтического выразителя эпохи нашего общественного развития». Но, как и в некоторых других работах Плеханова, в статье о Некрасове наряду с верными утверждениями содержится ряд положений, которые являются спорными. Поскольку влияние статьи Плеханова очень сильно сказалось на критических работах современных литературоведов, мы считаем необходимым на ней остановиться подробно.

В статье Плеханова о Некрасове содержатся серьёзные ошибки в характеристике движущих сил буржуазно-демократической революции. В плехановской критике народничества не было понимания конкретных условий развития России. Для него характерны чрезмерная переоценка либерализма, а также неправильный взгляд на крестьянство. «...Пролетарий и «мужичок»,—писал Плеханов,—это настоящие политические антиподы. Историческая роль пролетариата настолько же революционна, насколько консервативна роль «мужика» (Г. В. Плеханов, Собр. соч., т. II).

В противоположность плехановской оценке Ленин подходил к критике народничества с точки зрения задач социалистической

революции в России. Ставя вопрос о том, как следует отнестись рабочему классу к мелкой буржуазии, Ленин писал: «И на этот вопрос нельзя ответить, не приняв во внимание двойственный характер этого класса... Он является прогрессивным, поскольку выставляет общедемократические требования, т. е. борется против каких бы то ни было остатков средневековой эпохи и крепостничества; он является реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкой буржуазии, стараясь задержать, повернуть назад общее развитие страны в буржуазном направлении... Эти две стороны мелкобуржуазной программы следует строго различать и, отрицая какой бы то ни было социалистический характер этих теорий, борясь против их реакционных сторон, не следует забывать об их демократической части» (В. И. Ленин, Собр. соч., изд. 4-е, т. I, стр. 270).

Своеобразие народнической литературы Плеханов объясняет, исходя из исторического и общественного положения разночинца. В соответствии с общим пониманием народничества как идеологии разночинной интеллигенции Плеханов останавливается на характерных особенностях разночинца: преобладание общественных интересов над личными, стремление к изменению общественных отношений и т. п.

В статье «Памяти Герцена» Ленин отмечал, что в характеристике Герцена либеральная критика «тщательно скрывала, чем отличался революционер Герцен от либерала». Как известно, Некрасов был убеждённым демократом и расходился с либералами в несравненно большей мере, чем Герцен. Тем обязательнее для всякого критика противопоставить Некрасова либералам. Плеханов этого не делает. В своей статье о Некрасове он замалчивает некоторые сильные стороны его поэзии.

Плеханов затушёвывает боевые черты революционной поэзии Некрасова, говоря о неверии Некрасова в народ, в его революционное дело. «Его народ, — пишет о Некрасове Плеханов, — не умеет бороться и не сознаёт необходимости борьбы». По мнению Плеханова, Некрасов рисовал исключительно безотрадные картины, косность инертной крестьянской массы.

Однако содержание творчества Некрасова говорит о другом. В крупнейшем произведении Некрасова — «Кому на Руси жить хорошо» — в центре внимания поэта — крестьянин, но не безгласный, а активный, сознательно ставящий коренные вопросы социального бытия: «Кому живётся весело, вольготно на Руси?» В этой поэме Некрасова отразился период революционного движения 60—70-х годов. Поэт верит в силу «могучую», «несокрушимую». Веру в народную революцию Некрасов выражает в стихотворении «Железная дорога»: народ «вынесет всё — и широкую, ясную грудью дорогу проложит себе».

А как много призывов и упоминаний о крестьянских восстаниях, бунтах содержится в стихотворениях Некрасова! При этом надо всегда учитывать, что Некрасов писал в условиях жестокой царской цензуры, когда с большим риском, лишь намёками удавалось упоминать о революционной борьбе. В «Отрывках из путевых за-

писок графа Гаранского» (1853) рассказывается, как на притеснения помещиков крестьяне отвечают активной борьбой:

..Вот памятное место:
Тут славно мужички расправились с одним..
«А что — Да сделали из барина-то тесто.
«Как тесто?» — Да в куски живого изрубил
Один мужик... попал такому в лапы...

В 1858 г. Некрасов набрасывает «живую картину» под заголовком «Бунт»:

..Скачу, как вихорь, из Рязани,
Являюсь: бунт во всей красе...

В «Недавнем времени» (1871) говорится «о мужицкой расправе, о мести» и т. п. О дворянах крестьяне говорят со злобой, определяя своё отношение к эксплуататорам едкими выражениями: «Хвали траву в стогу, а барина в гробу»; в аду будут помещики «в котле кипеть, а мы дрова подкладывать».

Поэтому никак нельзя согласиться с Плехановым, утверждавшим, что «главной отличительной чертой этого народа (изображаемого Некрасовым. — А. Е.) является вечное терпение».

В доказательство того, что Некрасов не верил в народ, Плеханов ссылается на стихотворение «Размышления у парадного подъезда», которое заканчивается вопросом: что же значит бесконечный стон народа и не является ли народ «духовно навеки почившим?»

Но ведь здесь Некрасов говорит не вообще о безотрадности жизни крестьянина и его «стоне», а применительно к конкретным условиям социально-экономической действительности, породившим эту безотрадность. Песня-стон есть порождение тяжёлой жизни крестьянина. Идеолог крестьянской демократии, Некрасов знает, что с изменением жизненных условий народа появятся и радостные песни. В заключительной части поэмы «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов пишет:

О время, время новое!
Ты тоже в песне скажешься,
Но как?.. Душа народная!
Воссмеяся ж наконец!..

Этот взгляд Некрасова близок к мыслям Чернышевского, объясняющим многие черты русского крестьянина внешними «обстоятельствами»:

«Когда пробуждается в нём усердие к делу, он обнаруживает чрезвычайно замечательную неутомимость и живость в работе. Но для этого бывает нужно ему увидеть себя самостоятельным, почувствовать себя освобождённым от стеснений и опёк, которыми вообще он бывает подавлен».

Плеханов подошёл антиисторически и к оценке стиля некрасовской поэзии. Не видя закономерности появления нового стиля, он оказался в зависимости от эстетской критики, которая, с точки

зрения своих канонов, осуждала социально враждебный ей стиль Некрасова.

В первых же строках своей статьи Плеханов чудовищно умаляет достоинства поэзии Некрасова, говоря о ней как о недостаточно сильной, «топорной работе». Отмечая неблагозвучие шипящих в «Рыцаре на час» («От ликующих, праздно болтающих, обгаряющих руки в крови, уведи меня в стан погибающих за великое дело любви»), неудовлетворительность «Размышления у парадного подъезда» «даже по своему внутреннему строению» и т. д., Плеханов не понял, что особенности тематики, образов, языка Некрасова являются выражением определённого мировоззрения.

Развенчивая Некрасова как поэта, Плеханов пытается опереться на Белинского: «Наш гениальный критик В. Г. Белинский писал одному из своих московских друзей о Некрасове: «Что за талант у этого человека, и что за топор его талант!» Эта восторженная похвала не лишена некоторой двусмысленности. Топор — очень полезное орудие труда: он составляет одно из первых по времени культурных приобретений человека. Но вещи, сделанные топором, обыкновенно не изящны; недаром мы говорим: «топорная работа». И надо признать, что произведения Некрасова часто представляют собой именно такую работу».

Мы полагаем, что Плеханов даёт ошибочную интерпретацию оценки Белинским поэзии Некрасова. Чтобы убедиться в том, что Белинский никакой «двусмысленности» в свой отзыв о стихах Некрасова не вкладывал, процитируем полнее упоминаемое Плехановым письмо. 19 февраля 1847 г. Белинский писал Тургеневу: «Судя по «Хорю», вы далеко пойдёте. Это ваш настоящий род. Вот хоть бы «Ермолай и мельничиха» — не бог знает что, безделка, а хорошо, потому что умно и дельно, с мыслию... Только, ради аллаха, не печатайте ничего такого, что ни то, ни сё, не то, чтобы не хорошо, да и не то, чтобы очень хорошо. Это страшно вредит тоталитету известности (извините за кудрявое выражение — лучшего не придумалось). А «Хорь» вас высоко поднял — говорю это не как моё мнение, а как общий приговор».

Некрасов написал недавно страшно хорошее стихотворение. Если не попадёт в печать (а оно назначается в № 3), то пришлю к вам в рукописи. Что за талант у этого человека! И что за топор его талант!» (В. Г. Белинский, Письма, т. III, стр. 180).

Белинскому импонировали демократические тенденции творчества Некрасова, ярко выраженная антикрепостническая направленность его стихотворений 40-х годов. Реалистическое изображение «петербургских углов», противопоставление забитых и голодных людей тем, у которых «наследственное есть», являлось беспощадным обнажением изнанки современной ему действительности. Творчество Некрасова во всей полноте воплощало в себе те идейно-художественные особенности, которые соответствовали эстетическим принципам «натуральной школы», развиваемым в этот период Белинским.

Белинский очень высоко оценивал те некрасовские произведе-

ния, которые печатались в середине 40-х годов. В своём письме к Герцену от 19 февраля 1846 г. Белинский замечает: «Ты прав, что пьеса Некрасова «В дороге» превосходна; он написал и ещё несколько таких же и напишет их ещё больше» (В. Г. Белинский, Письма, т. III, стр. 101). Или в письме к Тургеневу: «Высоко ценю Некрасова за его богатую натуру и даровитость» (там же, стр. 179). Характеризуя стихотворения «Петербургского сборника», Белинский пишет (Полн. собр. соч. В. Г. Белинского, под редакцией С. А. Венгерова, т. X, стр. 225—226): «Самые интересные из них принадлежат перу издателя сборника, г. Некрасову. Они проникнуты мыслию; это — не стишки к деве и луне; в них много умного, *дельного* и современного. Вот лучшее из них — «В дороге...» — и далее Белинский цитирует это стихотворение полностью.

Интересен рассказ И. И. Панаева о том впечатлении, которое произвело на Белинского стихотворение «В дороге», прочитанное автором: «У Белинского засверкали глаза, он бросился к Некрасову, обнял его и сказал чуть не со слезами в глазах: «Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный!»

А стихотворение «Родина», по воспоминаниям того же И. И. Панаева, «привело его [Белинского] в совершенный восторг», «он выучил его наизусть и послал в Москву к своим приятелям». Как пишет в автобиографии Некрасов, в стихотворении «Родина» Белинскому импонировали «задатки отрицания и вообще зарождения слов и мыслей».

В письме к К. Д. Кавелину 7 декабря 1847 г. Белинский говорит: «Некрасов — это талант, да ещё какой! Я помню, кажется, в 42 или 43 году он написал в «Отечественных записках» разбор какого-то болгаринского изделия, с такой злостью, ядовитостью, с таким мастерством — что читать наслаждение и удивление; а между тем, он тогда же говорил, что не питает к Булгарину никакого неприязненного чувства. Разумеется, его теперешние стихотворения тем выше, что он, при своём замечательном таланте, внёс в них и мысль сознательную и лучшую часть самого себя» (В. Г. Белинский, Письма, т. III, стр. 306).

В своих рецензиях о первой и второй частях сборника «Физиология Петербурга» Белинский, останавливаясь на очерке «Петербургские углы» и стихотворении «Чиновник», отмечает «картину, проникнутую мыслью», «живую картину особого мира жизни». Некоторая неясность выражения в этих определениях Белинского объясняется стеснёнными цензурными условиями (очерк «Петербургские углы» в апреле 1844 г. был запрещён цензурой).

О художественной стороне «Чиновника» Белинский замечает: это «одно из тех в высшей степени удачных произведений, в которых мысль, поражающая своей верностью и дельностью, является в совершенно соответствующей ей форме, так что никакой самый предприимчивый критик не зацепится ни за одну черту, которую мог бы он похулить». И, наконец, даёт общую оценку «Чиновника»: «Эта пьеса — одно из лучших произведений русской литературы 1845 г.» («Отечественные записки», № 5, 1845, стр. 16).

За исключением самых ранних, несамостоятельных произведений Некрасова (сборник «Мечты и звуки»), названных Белинским «посредственностью», «истёртыми чувствованиями», «водевильной болтовнёй», всё творчество Некрасова высоко оценивалось великим критиком.

Сильное впечатление производило творчество Некрасова той поры и на других литераторов из кружка Белинского.

Тургенев, впоследствии испытывавший почти что физиологическое отвращение к стихотворениям Некрасова, в период 40-х годов восторгается ими. Он очень похвально отзывался о стихотворении «Муза» (1851), хотя здесь именно Некрасовым сформулированы основные положения его демократической поэзии. А о стихотворении «Еду ли ночью по улице тёмной» Тургенев писал Белинскому: «№№ «Современника» достигли, наконец, берегов Сены. Мы их теперь читаем с волчьей жадностью. И, во-первых, скажите от меня Некрасову, что его стихотворение в 9-й книжке меня совершенно с ума свело; денно и ночью твержу я это удивительное произведение—и уже наизусть выучил». (В. Г. Белинский, Письма, т. III, стр. 385).

Из сказанного очевидно, что Белинский на основе известных ему немногих произведений Некрасова периода 40-х годов с присущей ему пронизательностью понял и высоко оценил художественные особенности нарождавшейся новой демократической поэзии Некрасова.

* * *

Статьи Д. Писарева и В. Зайцева вводят нас в обстановку борьбы литературных направлений 60-х годов, когда поэзия Некрасова достигла своего расцвета.

Если Чернышевский и Добролюбов, как «последовательные демократы» (Ленин), в своих критических суждениях о литературе представляли магистральную линию общественного движения 60-х годов, то Д. Писарев и В. Зайцев являются выразителями побочной линии в развитии демократической мысли этого периода. Движущей силой истории, по Писареву, является интеллигенция, получившая естественно-научное образование,— «реалисты». В этом вопросе Писарев выступает прямым предшественником народничества, с его теорией о моральном сознании и «критически мыслящих личностях». Чернышевский и Добролюбов свою силу черпали в массовом крестьянском движении эпохи. Писарев и Зайцев не были крестьянскими демократами.

В статье «Белинский и Добролюбов» Зайцев пишет: «Идеальные представления о народе вводили Добролюбова иногда в заблуждение и заставляли его слишком много ждать от народа. Иногда даже он принимал тон, весьма напоминающий тон платонических поклонников народа, и восторгался там, где следовало учить» (В. А. Зайцев, Избранные сочинения, т. I, М. 1934, стр. 201).

Д. Писарев и В. Зайцев выступали в роли «разрушителей эстетики», доказывая, что ремесленник полезнее поэта, и только для

Некрасова, как для народного поэта, делали исключение. Писарев в 1861 г. писал, что уважает Некрасова «за его горячее сочувствие к страданиям простого человека, за честное слово, которое он всегда готов замолвить за бедняка и угнетённого».

В критическом наследстве В. Зайцева Некрасову посвящена одна из самых лучших его работ. В. Зайцев начинает свою статью с высокой похвалы Некрасову: «На этот раз я намерен говорить с читателями о стихотворениях г. Некрасова. То, что я скажу о них, будет лишь отголоском того, что думает о них вся образованная Россия, но зато совершенно несогласно с отзывами литературы».

В то время как вся русская молодёжь читала, читает и знает наизусть стихи г. Некрасова, литературная критика последних лет большинством голосов отказывала ему не только в тех достоинствах, какие признавались за ним публикой, но и в десятой доле тех, которые та же критика находила в изобилии у гг. Фета, Тютчева и Майкова».

В. Зайцев выделяет Некрасова из всех других поэтов за глубину содержания его произведений, за то, что «по предмету своему, по своему герою стихотворения г. Некрасова не имеют равных во всей русской литературе». В Некрасове критик видит «мыслителя глубокого и честного». И, по мнению Зайцева, Некрасов велик тем, что к его сочинениям можно подходить с теми же требованиями, с какими можно подходить к историку и публицисту.

В некоторых отношениях разобранный нами статья Плеханова созвучна работе В. Зайцева: и Плеханов, и Зайцев не ценят Некрасова как художника и силу его видят лишь в богатстве содержания. Только Плеханов считал недостатком «антиэстетические погрешности у Некрасова», а В. Зайцев считает это величайшим достоинством. Каждый по-своему, но оба они не понимали особенностей некрасовской поэзии.

Если Плеханов осудил поэзию Некрасова по законам эстетики, не свойственной стилю новой демократической поэзии, то В. Зайцев в своих рассуждениях исходит из антиэстетической точки зрения. Зайцев находит, что стихи Некрасова «чужды поэтических метафор и аллегорий» и что вообще средства поэтической выразительности — просто бессмыслица.

Ещё одно интересное совпадение мыслей Зайцева и Плеханова. Как и Плеханов, Зайцев считал, что Белинский не мог правильно оценить демократическую поэзию Некрасова. В статье «Белинский и Добролюбов» Зайцев пишет: «В VIII томе он говорит без обиняков, «что наша поэзия не может без ущерба для себя обратиться к воспроизведению крестьянского быта». Это доказывает нам, что поэзией он считал преимущественно описание любви соловья к розе, потому что даже не допускал возможности явления такой поэзии, какова поэзия Некрасова. В XI томе (стр. 357) он говорит, что нередко гениальные поэты, взявшись за решение общественных вопросов, производят вещи, лишённые художественного достоинства» (В. А. Зайцев, Избранные сочинения, т. I, стр. 179—180).

Здесь неверны все утверждения Зайцева. Высокая оценка Бе-

линским поэзии Некрасова нами выше приводилась, и нет нужды повторять её ещё раз.

В остальном Зайцев приписывает Белинскому то, чего великий критик никогда не говорил. Выражения «наша поэзия не может без ущерба для себя обратиться к воспроизведению крестьянского быта» у Белинского вообще нет. Правда, в статье о Пушкине есть замечание (высказанное в 1844 г.), что очередные задачи художественной литературы 40-х годов состоят в изображении «жизни образованных сословий» (т. XII, стр. 81). Но акцентировать внимание на этой мысли Белинского было бы односторонним пониманием его концепции, так как в 1848 г. критик писал: «Природа — вечный образец искусства, а величайший и благороднейший предмет в природе — человек. А разве мужик — не человек?.. — ...Но что же может быть интересного в грубом необразованном человеке? — Как что? — его душа, ум, сердце, страсти, склонности — словом, всё то же, что и в образованном человеке» (т. XI, стр. 95). Белинский был убеждённым сторонником идейного искусства, но он возражал (как впоследствии возражали Добролюбов и Чернышевский) против навязанной тенденции, не оправданной содержанием произведения, органически из него не вырастающей.

* * *

Распространено мнение, что честь «открытия» в Некрасове поэта не менее великого и по художественной «форме», чем по выраженным им идеям, принадлежит формалистам. Но так могут рассуждать лишь те, для кого не существует наследства великих критиков — Чернышевского и Добролюбова. Ещё при жизни Некрасова Чернышевский признавал его как поэта выше всех русских поэтов.

В письме к Некрасову в 1850 г. Чернышевский писал: «Вы теперь лучшая — можно сказать, единственная прекрасная — надежда нашей литературы».

К сожалению, он не мог подробно высказать своё критическое суждение о творчестве Некрасова, так как ему было «негде напечатать эту статью», а в «Современнике» он считал неудобным «представить суждение о стихотворениях одного из своих редакторов»¹.

Чрезвычайно интересны замечания Чернышевского о поэтике Некрасова, сделанные им во второй статье о сочинениях Пушкина (Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. I, стр. 288). Говоря о специфике русского стиха и о возврате Пушкина к классическому ямбу, Чернышевский отмечает большую правомерность для русского стихосложения трёхсложных размеров и противопоставляет в этом отношении Пушкину Некрасова (не называя имени последнего).

¹ Учитывая большое значение отдельных высказываний Чернышевского о Некрасове, мы помещаем в нашем сборнике подбор наиболее ценных материалов из его писем и заметок, опубликованных первоначально большей частью в специальных изданиях, малодоступных широкому читателю.

«Не можем не заметить, — пишет Чернышевский, — что у одного из современных русских поэтов — конечно, вовсе не преднамеренно — трёхсложные стопы, очевидно, пользуются предпочтительною любовью перед ямбом и хореем».

А о рифме Чернышевский пишет:

«...Рифма в русском языке должна существовать с некоторыми особенными условиями, вытекающими из сущности языка. Один шаг к этому сделан уже поэтом, о котором говорили мы выше и который также любит дактилическую рифму, — это по крайней мере разнообразность рифмы... Русская рифма, нам кажется, могла бы довольствоваться не одинакостью, а подобностью звуков, как это бывает иногда у Кольцова».

Чернышевский даже в формальных особенностях подчёркивает своеобразие стиля поэтов, использующих народную речь.

Добролюбов видит в творчестве Некрасова образование нового стиля русской поэзии, в котором новыми словами даётся новое осознание жизни. Не называя Некрасова по имени, Добролюбов характеризует его как поэта, «повернувшего» поэзию «на новый путь». О некрасовской поэзии в этом смысле критик говорит как о «совершившемся факте».

В рецензии «Перепевы», напечатанной в «Современнике», кн. VIII, 1860 г., читаем: «Художественный, младенчески-беззаботный и грациозно-ребяческий период нашей поэзии был уже завершён Пушкиным; Лермонтов не выказал вполне своих сил и до конца жизни не умел, что называется, стать на свои ноги, потому и не мог образовать нового направления; Кольцов остаётся особняком до сих пор: его оригинальные опыты оказались тоже недостаточно сильными, чтобы повернуть нашу лирику на новый путь. После них нужен был поэт, который бы умел осмыслить и узаконить сильные, но часто смутные и как будто безотчётные порывы Кольцова и вложить в свою поэзию положительное начало, жизненный идеал, которого недоставало Лермонтову. Нет ни малейшего сомнения, что естественный ход жизни произвёл бы такого поэта; мы даже можем утверждать это не как предположение или вывод, но как совершившийся факт. Но, к сожалению, наступившие вслед за тем события уничтожили всякую возможность высказаться и развиваться в новом таланте тому направлению, которое с двух разных сторон, после Пушкина, пробивалось у нас в Кольцове и Лермонтове» (Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. II, 1935, стр. 594).

В этих немногих строках Добролюбовым дана настолько богатая характеристика развития и смены стилей русской поэзии, настолько отчётливо показана обусловленность появления демократического направления, что она и на сегодня остаётся непревзойдённой во всей критической литературе о Некрасове.

Добролюбов восхищался реалистическим изображением действительности в поэзии Некрасова, её революционным пафосом. В письме к одному из своих друзей он говорит: «Выучи наизусть и вели всем, кого знаешь, выучить «Песню Ерёмушке» Некрасова, напечатанную в сентябрьском «Современнике». Замени [только]

слово — «истина» — равенство, «лютой подлости» — угнетателям... Помни и люби эти стихи: они дидактичны, если хочешь, но идут прямо к молодому сердцу, не совсем ещё погрязшему в тине пошлости. Боже мой, сколько великолепнейших вещей мог бы написать Некрасов, если бы его не давила цензура!» («Материалы для биографии Н. А. Добролюбова», 1890, стр. 534).

Но вопросами художественных особенностей некрасовского творчества дореволюционные критики занимались мало. Среди немногих работ в этом отношении выделяется статья Андреевского. Враждебно относясь к характеру и направлению творчества Некрасова, он тем не менее увидел крупные художественные достоинства его поэзии: «Нередко впадая в грубые диссонансы, не особенно чуткий к поэтическим тонкостям, Некрасов, однако, благодаря своей необычайной даровитости, открыл для русской поэзии новые звуки, новые оригинальные формы. Он был к тому вынужден временем» (С. А. Андреевский, Литературные чтения, стр. 189).

При неразработанности проблем художественной формы поэзии Некрасова приобретают известное значение и некоторые работы формалистов, поскольку они содержат иногда вдумчивые наблюдения над формой по частным вопросам. Утверждения некоторых критиков об «открытиях» формалистов в области некрасоведения являются слишком преувеличенными. Даже лучшая из формалистских работ — статья Б. Эйхенбаума — заимствует свои отправные моменты из упоминаемого нами исследования С. Андреевского. К тому же формалисты, занятые исключительно изучением некрасовской «виртуозной техники», произвели лишь отдельные наблюдения и оказались не в состоянии сделать выводы по существу поэтики Некрасова. Порочная методология, бессилие объяснить творчество Некрасова в целом обесценивали иногда и те отдельные наблюдения, которые могли бы быть учтены как интересные явления в общей системе работ о форме. Например, Б. Эйхенбаум считал, что Некрасов должен был обратиться к фольклору, потому что это вообще «неизменный источник обновления художественных форм при крутых переломах в искусстве, при борьбе с канонами» (Б. Эйхенбаум, Сквозь литературу, стр. 274).

В этом ли смысл обращения Некрасова к фольклору? И почему он широко стал пользоваться фольклором, начиная с 60-х годов? Можно ли, исследуя формальные особенности некрасовской поэзии (когда в ней имеются такие произведения, как «Кому на Руси жить хорошо», «Коробейники», «Мороз, Красный нос»), ограничиться одним беглым замечанием о фольклоре у Некрасова?

Б. Эйхенбаум видит новаторство Некрасова в «отталкивании» от старых форм, всю борьбу его в области стиха сводит к «снижению» и к «пародийности». Причём Эйхенбаум не объясняет подлинных социальных основ, вызвавших реформу стиха, произведённую Некрасовым. Борьба Некрасова со старой дворянской поэзией рассматривалась Эйхенбаумом как литературный процесс, изолированный от жизни.

На самом деле и «пародийность» и «снижение» традиционного

стиля есть момент, подчинённый всей борьбе революционного демократа Некрасова за народную культуру.

Несравненно более плодотворные наблюдения в области изучения стиля некрасовского творчества делает П. Н. Сакулин. Он правильно определяет Некрасова как поэта-гражданина, социального лирика, отмечает гибкость некрасовского стиха, на многих примерах показывает разнообразие приёмов Некрасова в индивидуализации речи героев. П. Н. Сакулин убедительно доказывает, что Некрасов — «кровный лирик», владеющий в совершенстве песней как «общенародным достоянием». «Немного у Некрасова соперников в умении пользоваться народным стихом», — замечает П. Н. Сакулин.

Очень меткое наблюдение сделал П. Н. Сакулин о структуре произведений Некрасова: «Что бы ни рисовал поэт, мужик прорывает полотно и высовывает свою голову». В тех случаях, когда Некрасов берёт сюжет из жизни дворян или капиталистов, он создаёт задний фон с тем или иным участием народной массы. Такова композиция «Псовой охоты», «Медвежьей охоты», «Железной дороги», «Балета», «Современников».

Но когда П. Н. Сакулин переходит от частных моментов к общим выводам, он делает неправильные заключения. Так, П. Н. Сакулин, не понимая отношения Некрасова к Пушкину, пишет: «Вместе с «людьми сороковых годов» хранил Некрасов в своей душе культ Пушкина как величайшего русского поэта, хотя в его литературном кругу наблюдалось уже охлаждение и даже неприязнь к автору «Евгения Онегина». Здесь неверно характеризуется отношение демократов к Пушкину.

Неприязнь к автору «Евгения Онегина» была не в некрасовском «литературном кругу», а в писаревском. Стоит только сопоставить отзывы о Пушкине Писарева и Чернышевского, чтобы убедиться в этом. Писарев в статье «Белинский и Пушкин» писал: «Если жизнью всякой истинной поэзии сделалось страстное мышление, полное вражды и любви, то, очевидно, поэзия Пушкина — уже не поэзия, а только археологический образчик того, что считалось поэзией в старые годы. Место Пушкина — не на письменном столе современного работника, а в пыльном кабинете антиквария, рядом с заржавленными латами и с изломанными аркебузами» (Д. И. Писарев, Избранные сочинения, т. I, стр. 80).

Чернышевский писал прямо противоположное о значении Пушкина: «Через него разлилось литературное образование на десятки тысяч людей, между тем как до него литературные интересы занимали немногих. Он первый возвёл у нас литературу в достоинство национального дела, между тем как прежде она была, по удачному заглавию одного из старинных журналов, «приятным и полезным препровождением времени» для тесного кружка дилетантов. Он был первым поэтом, который стал в глазах всей русской публики на то высокое место, какое должен занимать в своей стране великий писатель. Вся возможность дальнейшего развития русской литературы была приготовлена и отчасти ещё готовится»

Пушкиным» (Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. I, 1906, стр. 290—291). Разве в наши дни эта характеристика устарела?

Давая социальную характеристику Некрасова, П. Н. Сакулин сбивается на идеалистические рассуждения о психологическом облике поэта, о «трагедии совести», об отсутствии у Некрасова того «душевного изящества», которое было присуще Тургеневу, и т. д.

Сильно исказили роль Некрасова в истории литературы некоторые исследователи, рассматривая его творчество вне связи с развитием русской поэзии. Откровенней других этот взгляд на Некрасова выразил Нестор Котляревский: «Предшественников он не имел, не имел и наследников. Школы не проходил и школы не создал. Исследователь, если он займётся родословной Некрасова, будет избавлен от кропотливых разысканий. Он начнёт эту родословную с него самого и на нём её кончит» («Н. А. Некрасов», Из рукописных собраний Пушкинского дома при Российской академии наук, П. 1922, стр. 12).

Часто критики прибегали к противопоставлению Некрасова Пушкину. Как правило, к вопросу подходили антиисторически. Обычно не учитывалось при сопоставлении двух поэтов различие эпох. В эпоху 20-х годов прошлого века передовой отряд дворянства, в лице декабристов и Пушкина, явился представителем отчётливо пробудившегося общественного сознания. Декабристы действовали при отсутствии развитого народного движения в стране. Тем не менее, «вслед Радищеву», Пушкин «восславил свободу» и «в жестокий век» работал над созданием народного искусства, близкого и понятного массам. Он пел и весёлые песни, будучи «веры полн», и грустные, выражающие горе народа:

И выстраданный стих, пронзительно-унылый,
Ударит по сердцам с неведомою силой...

Пушкин пролагал пути к демократическому гуманизму. Ориентация Пушкина на демократическую тематику в 30-е годы, сочувственное отношение к обездоленным и угнетённым предвосхищали пути дальнейшего развития русской реалистической литературы. Настойчивый интерес Пушкина к взаимоотношениям помещиков и крестьян связывает великого поэта с демократической литературой 60-х годов. Истинными наследниками Пушкина в эпоху 60-х годов были поэты и писатели революционно-демократического направления.

Ленин говорил, что хранить наследство вовсе ещё не значит ограничиваться наследством.

Щедрин и Некрасов развивали принципы пушкинского реализма в новых условиях. В поэзии великим преемником Пушкина в эпоху 40—60-х годов выступил Некрасов, развивавший в новых условиях ведущие черты пушкинской поэзии: идейность, народность, реализм, простоту и ясность выражения чувств и мыслей.

Поколение революционеров-демократов связано уже с иной эпохой, чем та, в которой жил Пушкин. О шестидесятниках по сравнению с дворянскими революционерами Ленин говорил: «Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом» (В. И. Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XV, стр. 468).

Стихи Некрасова почти всегда насыщены фольклорным материалом. Поэт старается слить свой голос с голосом народа. Исключительное богатство в этом отношении представляет поэма «Кому на Руси жить хорошо». Некрасов широко использует крестьянские песни, причитания, загадки, пословицы, поговорки, народные обороты речи и даже особенности крестьянского произношения.

Работа Н. Андреева ставит тему о фольклоре у Некрасова в литературном плане: как революционный демократизм поэта органически связан с его глубоким интересом к фольклорному материалу, каков характер этого материала — «не в смысле точного определения источников, а в смысле качественной — художественной и социальной характеристики этого материала» и т. д.

Мы включаем в настоящий сборник статью В. Евгеньева-Максимова, который, привлекая большой фактический материал о работе Некрасова над поэмой «Декабристки» («Русские женщины»), освещает вопрос о том, как и на основе каких источников создавалась реалистическая поэзия Некрасова.

Из многочисленных работ К. И. Чуковского о некрасовском творчестве мы выделяем, как наиболее ценную, последнюю его статью о Некрасове-художнике, в которой автор преодолевает эклектизм, свойственный его прежним работам о Некрасове. Отказавшись от эстетико-психологического метода, К. Чуковский уже правильно характеризует основные особенности демократической народной поэтики Некрасова, ставя её в связь с поэтикой народной песни, в частности с творчеством украинского народного поэта Т. Г. Шевченко.

* * *

Несмотря на обильную критическую литературу о творчестве Некрасова, его поэзия остаётся до сих пор мало изученной в эстетическом отношении. По авторитетному признанию В. Евгеньева-Максимова, сорок лет уже изучающего Некрасова и считающего эту деятельность «трудом всей своей жизни», «поэзия Некрасова не только недостаточно изучена в эстетическом отношении, но не выработан даже и общий взгляд, определяющий её место и значение в ряду русской литературной эволюции» (В. Евгеньев-Максимов, Некрасов как человек, журналист и поэт, 1928, стр. 277).

Гениальные замечания Чернышевского и Добролюбова о характере поэзии Некрасова не получили своего развития в литературоведческих трудах, посвящённых творчеству Некрасова.

Успешному освоению лучших достижений литературы прошлого, пониманию принципов творческой практики великих русских писателей в сильнейшей мере мешал вульгарный социологизм, имевший в советском литературоведении широкое распространение. Безмер-

ная социологизация литературных явлений вела к недооценке художественного наследства. М. Горький метко сказал по поводу подобных «проработок» классиков литературы:

«Посмотрите, как долго мы помним, что Пушкин писал лестные стихи Николаю I, Некрасов играл в карты, Лесков — автор романа «На ножах» и т. д. Это — злая память маленьких людей, которым приятно отметить проступок или недостаток большого человека, чтобы тем принизить его до себя» («Литературная газета», № 38, 1936).]

Искреннейший художник, у которого идея переходила в кровь и в плоть, Некрасов создал великую поэзию «мужицкого демократизма». Некрасов сознавал величие своей поэзии, заявив в конце своего жизненного пути А. Н. Пыпину, что ему удалось после периода исканий найти в стихах «свой собственный род, не взятый ни у кого».

Некрасов — это целое направление в русской поэзии, школа с характерной для неё тематикой, образами, особенностями стиха, языка.

Творчество Некрасова направлялось по восходящей линии развития демократического сознания, от общих демократических мотивов в 40-е годы к мотивам революционной крестьянской демократии в 60—70-е годы. Белинский, первый учитель Некрасова, воспитывавший его в духе демократизма, воспринимается поэтом как борец за народ, за его счастье, за его светлое будущее:

Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил о народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе...

Эта идея служения народу вдохновляла Некрасова в течение всей его жизни и поэтической деятельности. Как призывный маяк, освещали его путь имена великих вождей демократии — В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, которым он посвящал вдохновенные и прочувствованные стихотворения:

Каков светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало!
.....
Сокровища душевной красоты
Совмещены в нём были благотно...
Природа-мать! Когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...

Некрасов критически осваивал богатое наследие поэтической культуры, в первую очередь великих поэтов Пушкина и Лермонтова, а наряду с ними — Рылеева, Полежаева, Кольцова и многих других, явившихся предшественниками Некрасова.

Появление нового направления в русской поэзии, главой которого является Некрасов, было обусловлено выходом на историческую арену новых общественных групп, новых читателей, предъявлявших новые требования к литературе.

Причём новый поэт, удовлетворивший запросы изменившегося читателя, пришёл не сразу. Был период «безвластия» в литературе, чутко подмеченный и ярко охарактеризованный Некрасовым:

Тогда всё глухо и мертво
В литературе нашей было:
Скончался Пушкин; без него
Любовь к ней в публике остыла...

В бореньи пошлых мелочей
Она, погрязнув, поглупела...
До общества, до жизни ей
Как будто не было и дела.

В то время, как в родном краю
Открыто зло торжествовало,
Ему лишь «баюшки-баю»
Литература распевала.

Среди дворянских поэтов находились талантливые люди, как Фет или А. К. Толстой, создавшие произведения высокого художественного мастерства. Но никто из них исторически не имел данных к созданию ценностей более высокого качества, чем Пушкин и поэты его школы.

И вот в этой-то обстановке властно выступил на литературную арену Некрасов, даровитейший поэт городских бедняков и многомиллионной крестьянской массы, пробуждающейся к сознательной жизни.

Он ищет новые поэтические формы, понятные массам, «толпе». Понятию особого, замкнутого «поэтического» языка дворянских поэтов Некрасов противопоставляет демократический язык народных масс и разночинной интеллигенции. Он борется против «гладкости» привычных традиционных стихов. В 1850 г. Некрасов в критической статье писал: «Наша литература, возникшая и укрепившаяся в самое короткое время, находится уже на той ступени, когда изящная форма почитается не достоинством, а условием необходимым... Пушкин и Лермонтов до такой степени усвоили нашему языку стихотворную форму, что написать теперь гладенькое стихотворение сумеет всякий, владеющий в некоторой степени механизмом языка; и потому гибкость и правильность стиха не составляют уже в наше время ни малейшего достоинства...» («Современник», № 19, 1850, «Смесь», стр. 42—43).

Стихи поэта революционной демократии не укладывались в рамки и каноны старых литературных форм. Острое содержание требовало адекватной художественной формы, максимально выразительной, действенной и доступной широким народным массам. Некрасовская муза заговорила в «трудное» и «лихое» время «буйным» языком. Некрасов услышал «музыку злобы» преисполненных гневом народных масс. Недаром Тургенев, отрицательно относившийся к поэзии Некрасова в период её расцвета, всё же заметил, что стихи его, собранные в один фокус, «жгутся».

Некрасов явился первым великим демократическим поэтом, достигшим в области нового стиля предельной высоты. Естественно,

что могучая поэзия Некрасова наложила отпечаток на всё последующее развитие русской поэзии.

В поэзии Некрасова органически сочетались передовые идеи и любовь к народу, правдивое изображение действительности и революционная страсть.

Некрасов был революционером в области искусства, так как он интересы народных масс, благо народа сделал исходными, определяющими моментами в оценке всех жизненных явлений. Все свои сокровенные думы и чаяния Некрасов связал с делом служения народу. В беседе с Пыпиным, в конце своего жизненного пути, Некрасов одной фразой метко определил своё значение, заявив, «что у него, как ни у кого из наших писателей, не говорилось так прямо о деле, — не было рутинных пустяков».

Трезвый реалистический взгляд на народ характеризует все важнейшие произведения Некрасова. Некрасов был врагом того тенденциозного искусства, которое проповедует свои идеи без достаточной художественной убедительности. Он творил в моменты наивысшего подъёма, глубоких переживаний:

Если долго сдержанные муки,
Накипев, под сердце подойдут,
Я пашу...

Изумительное дарование Некрасова как художника состоит в умении дать одной чертой социальное обобщение. Индивидуальные черты образов Некрасова преисполнены максимальной типичности. Поэтому, описав родину (в стихотворении того же названия) в плане индивидуальном, то есть место, где он рос и развивался, Некрасов создал тем самым картину родины — всей крепостнической России.

Некрасов умел метко и выразительно характеризовать огромные по масштабу явления общественной жизни. Рассказывая в «Кому на Руси жить хорошо» об убийстве немца-эксплоататора девятью крестьянами в далёкую эпоху крепостничества, Некрасов одним, внешне едва заметным, штрихом показывает стихийное движение: Савелий говорит, что только после того, как закопали в колодезную яму немца-управителя, они «переглянулись».

Некрасов никогда не занимался копировкой, никогда не уходил в детали, заслоняющие целое. По поводу стихотворения «Филантроп» он писал: «Я вывел черту современного общества». Реализм дал возможность Некрасову изобразить характерные черты крестьянства. Наряду с пассивной массой, отличающейся долготерпением, склонной в ответ на «обиду» угнетателя «разводить безнадежно руками» и ограничиваться выражением «суди его бог», Некрасов нарисовал непреклонных борцов в лице «богатыря» Савелия и мирского работника Ермила Гирина. Некрасов создал незабываемый образ крестьянина Якимы Нагого.

Преодолевая традиционный стиль предшествующей поэзии, Некрасов выработал стиль демократического реализма, органически слитый с революционным содержанием его поэзии. Он достиг предельной простоты и выразительности стиха введением в него раз-

говорной интонации и разговорного словаря. Произведения Некрасова из крестьянского быта написаны во многих случаях сказовым стихом и сохраняют все особенности речи (словарь, синтаксис) того лица, от имени которого ведётся рассказ.

Основной приём, которым пользуется Некрасов, сближая стих с прозой, состоит в том, чтобы придать слову бóльшую предметность, почти осязаемую конкретность. Поэт широко использует язык газеты и журнала.

Некрасов обладал исключительным даром поэта-певца. Народно-песенная струя в творчестве Некрасова свидетельствует о коренной близости поэта к источникам народного творчества. Песни Некрасова обладают высокой эмоциональностью, насыщены богатым содержанием и имеют большое смысловое значение,— например, «Песня убогого странника», «Русь» и др.

Некрасов создал особый стих, органически связанный с общим характером его поэзии — «музы мести и печали».

Печальный и унылый стих Некрасова отражал настроения тяжести и гнёта жизни, испытываемые народными плебейско-крестьянскими массами в условиях крепостнического строя. Этот некрасовский пронзительно-унылый стих ударял о людские сердца и звал лучших людей на борьбу с царящим злом. Недаром «Отечественные записки» писали, откликаясь на смерть поэта: «Маршем победным, друзья, звучат нам скорбные песни поэта!»

Задачу писателя в данной исторической обстановке Некрасов видел в том, чтобы «честно биться», «маску дерзостно срывать с глупца и негодяя». Он призывал к открытой революционной борьбе:

...с тернистого пути,
Покамест нет возврата.
Непримиримый враг цепей
И верный друг народа,
До дна святую чашу пей.
На дне её — свобода!

Направляя всю силу своего «жгучего» стиха на борьбу со злом современного ему настоящего, Некрасов страстно ждал прихода светлого дня, той подлинной свободы, когда

...пахарь, поля засевая,
Видит вёдреный день впереди:
Чтобы ветер родного селенья
Звук единый до слуха дошёл,
Под которым не слышно кипенья
Человеческой крови и слёз.

Творчество Некрасова овеяно революционным народным движением середины XIX в. Некрасов был певцом борьбы за устранение крепостнического общества, за ликвидацию сословных привилегий, за открытое выступление народных масс. Поэт рисовал потрясающие картины народных страданий, отображая «суровую» правду жизни. В деревне прежде всего Некрасов слышал стоны замученных рабским трудом людей, там ему представлялись кошмарные видения.

Некрасов всегда подчёркивал преимущество правдивого изображения действительности. В «Колыбельной песне» поэт говорит:

Стану сказывать не сказки —
Правду пропою.

В стихотворении «Рыцарь на час»:

Не робеть перед правдой-царицею
Научила ты музу мою...

У Некрасова никогда не было объективистского, бесстрастного отношения к действительности — он произносил «свой приговор над изображаемыми явлениями» (Чернышевский). Поэзия Некрасова, развивавшаяся под знаменем борьбы против «чистого искусства», характеризуется широтой и конкретностью в раскрытии социальных противоречий современной ему действительности.

Некрасов — великий народный поэт. Поэзия Некрасова будила умы и сердца и тем самым помогала народу найти пути к своему освобождению. В понимании Некрасова народ противостоит дворянству и буржуазии. Некрасов принадлежал к числу тех писателей, которые являлись «защитниками и спасителями от русского самодержавия, православия и народности» (В. Г. Белинский, Письмо к Гоголю).

Поэзия «старого русского демократа» (как называл Некрасова Ленин) естественно вызывала разное к себе отношение со стороны противоположных классов общества. Если сторонники эксплуатации и угнетения питали отвращение и презрение к музе, зовущей

На бой, на труд!
За обойдённого.
За угнетённого, —

то в революционной и прогрессивной среде стихи Некрасова встречались с чувством горячей любви и восхищения.

В 1856 г. по выходе сборника стихов Некрасова Н. Г. Чернышевский писал: «Теперь Вы дали нам книгу, какой не бывало ещё в русской литературе... Истинно у Вас огромный талант, — я не умею и сказать, есть ли что невозможное для Вас, есть ли высота, недоступная для Вас» («Н. Г. Чернышевский, Литературное наследие», т. II, 1928, стр. 347).

Стихи Некрасова были источником воспитания и воодушевления ряда поколений революционных борцов. Некрасов был «властителем дум» 60—70-х годов, в период большого общественного движения. Он стал для лучших людей в мрачайшую эпоху 80-х годов «свотильником разума», освещавшим путь борьбы и победы за народное дело. Поэзия Некрасова противостояла народнической теории о моральном сознании и «критически мыслящих личностях», о «герое» и пассивной толпе. Его стихи обращены прямо и непосредственно к народу. Некрасов от самого народа ждал активности

в деле своего освобождения. Народ — главный герой в поэзии Некрасова. Поэт беззаветно верит в его неисчерпаемые силы:

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную...
Вынесет всё — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.

Интеллигенция у Некрасова не противостоит толпе и не изолирована от неё, как это было у народолюбцев, с их террором как всеспасающим методом борьбы, расстраивавшим и дезорганизовавшим массовое движение. Идеальный герой, революционный интеллигент Гриша Добросклонов, спаян с крестьянской массой, он является «посланцем» родной «вахлачины». Вот думы Гриши, исходящие «из сердца самого»:

Чтоб землякам моим
И каждому крестьянину
Жилось вольготно-весело...

Новые люди — «народные заступники» — ведут активную борьбу за свержение политического и экономического гнёта, опираясь на крестьянские массы.

Некрасов как поэт обретал свою силу в кровном союзе с массами. Демократизм для его творчества является всеопределяющей чертой.

Некрасов страстно желал быть поэтом масс, народа, создать песню, которая раздавалась бы над просторами родных рек: «над Волгой, над Окой, над Камой». Естественно, что эта поэзия имела и соответственную форму: энергичный, выразительный и доступный широким народным массам стих.

Однако в условиях самодержавного строя поэзия Некрасова лишь в небольшой своей части доходила до народных масс. Скорбное сознание этого заставило поэта писать, будто он «чуждым народу умирает, как жить начинал» («Муза»).

В. И. Ленин в статье «Л. Н. Толстой» писал: «Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России. Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием *всех*, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот» (Собр. соч., изд. 3-е, т. XIV, стр. 400).

Только в наше время, когда массы совершили великое дело народного освобождения, Некрасов получил то всеобщее признание рабочих и крестьян, о котором он когда-то мечтал:

...в такую могилу сойти;
Чтобы широкие лапти народные
К ней проторили пути...

Только теперь, в сталинскую эпоху небывалого подъёма материальных и культурных сил социалистического общества, Некрасов стал действительно всенародным поэтом.

Только в советское время революционное творчество Некрасова, представляющее изумительный образец спаянности поэзии с жизнью, вступило в «кровный союз» с широчайшими массами народа, и сбылись слова поэта:

О Муза! я у двери гроба!

.....
Не плачь! завиден жребий наш,
Не наругаются над нами:
Меж мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!

Г. В. ПЛЕХАНОВ

Н. А. НЕКРАСОВ

(К 25-летию его смерти) ¹

Наш гениальный критик В. Г. Белинский писал одному из своих московских друзей о Некрасове: «Что за талант у этого человека, и что за топор его талант!» Эта восторженная похвала не лишена некоторой двусмысленности. Топор—очень полезное орудие труда: он составляет одно из первых по времени культурных приобретений человека. Но вещи, сделанные топором, обыкновенно не изящны; недаром мы говорим: «топорная работа». И надо признать, что произведения Некрасова часто представляют собой именно такую работу. Я помню, как однажды, заспорив со мной о «Русских женщинах», покойный Всеволод Гаршин, очень невысоко ставивший поэтический талант Некрасова и резко осуждавший тогда (в годы студенчества) «тенденциозность» его поэзии, с насмешкой продекламировал:

Покою, прочен и легок
На диво слаженный возок...

Несмотря на всё своё пристрастие к поэту «мести и печали», я вынужден был согласиться, что «возок» плохо рифмуется с «легок». Некрасов, наверно, и сам чувствовал, что тут дело идёт не совсем ладно; однако он не только не смутился этим, но несколько ниже повторил:

Покою, прочен и легок
Катится городом возок...

Подобные антиэстетические погрешности у Некрасова попадают на каждом шагу. Его стих не гладок или, как он сам характеризовал его, *тяжел* и *неуклюж*. Его язык редко бывает звучен. Людям, воспитанным в эстетических преданиях сороковых годов и избалованным роскошной музыкой стихов Пушкина и Лермонтова, должны были резать ухо шипящие звуки вроде вот этих:

От ликующих, праздно болтающих
Обагрляющих пучки в крови,
Уведи меня от слан лопочущих... и т. д.

¹ Статья впервые напечатана в Женеве в издании «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии» (1903); в России с цензурными изъятиями была перепечатана в сборнике статей Плеханова «За двадцать лет» (изд. 1-е, 1905; изд. 3-е, 1909). Здесь перепечатывается с небольшими сокращениями по изданию «Сочинений» Г. В. Плеханова, т. X, М.—Л. 1925.

Это очень неблагозвучно. Но это ещё только полбеда; это касается только стиха, т. е. *внешности*, так сказать, *поверхности* поэтического произведения. Беда заключается в том, что стихотворения Некрасова очень часто не удовлетворяют художественным требованиям *даже по своему внутреннему строению*. Для примера я укажу на одно из самых знаменитых и, по-своему, самых замечательных его произведений—на «Размышления у парадного подъезда». Вспомните это место:

А владелец роскошных палат
Ещё сном был глубоким объят...
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть ещё наслаждение:
Вороти их! В тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру...
Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах...

Это благородно и красноречиво; но, к сожалению, это не более, как *красноречивая проза* (злые языки говорили: *риторика*). Поэзии тут нет никакой, и потому всё это место, так сильно заставлявшее биться тысячи и тысячи русских сердец (и тем убедительно доказавшее, что в нём была не одна «риторика»), не только не украшает стихотворения, а прямо портит его и было бы гораздо уместнее в статье или—ещё лучше—в *речи*. Прозаический элемент вообще был очень силен в поэзии Некрасова, что и подало повод называть её *тенденциозной*. Но дело тут собственно не в тенденциозности, а просто в том, что поэтический талант Некрасова был недостаточно силен и—это, может быть, главное—недостаточно пластичен¹. Повторяю, топор представляет собою очень полезное орудие труда, но топорная отделка оставляет желать лучшего.

А в пользу, принесённой нашему общественному самосознанию «топорным» талантом Некрасова, теперь уже нельзя сомневаться и почти бесполезно о ней распространяться. Некрасов явился поэтическим выразителем целой эпохи нашего общественного развития. Эта эпоха начинается выступлением на нашу историческую

¹ Под тенденциозностью чаще всего понимают искажение действительности в угоду предвзятой идее. Такой тенденциозности в поэзии Некрасова совсем не было (если не считать некоторых «неверных звуков», вырванных у его музы тяжёлыми политическими условиями России, которым он по временам подчинялся больше, чем это было позволительно даже с точки зрения мирного обывателя). Но иногда на счёт тенденциозности относят то, что объясняется именно недостаточной пластичностью поэтического дарования. Человек не справляется со своими поэтическими образами, и потому в его стихотворение врывается проза. Это большой недостаток. Но происходит он часто не от желания исказить действительность, и к тому же сам по себе он вовсе не ведёт к её искажению; проза не значит ложь: прозаическое описание может быть *вполне точно*. (Прим. Плеханова.)

сцену образованного *разночинца* («интеллигенции» тож) и оканчивается появлением на этой сцене *рабочего класса, пролетариата* в настоящем смысле этого слова. Кто интересуется нравственным и идейным содержанием этой замечательной эпохи, тот найдёт в поэзии Некрасова богатейший материал для его характеристики. [...]

Изображению народного горя посвящены все его наиболее известные произведения. А на дворянские гнёзда эти произведения проливают совсем-таки непривлекательный свет. Уже в одном из самых ранних своих стихотворений, именно в так сильно нравившемся Белинскому стихотворении «Родина», Некрасов говорит:

И вот они опять, знакомые места,
Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,
Текла среди пиров, бессмысленного чванства,
Разврата грязного и мелкого тиранства;
Где рой подавленных и трепетных рабов
Завидовал житею последних барских псов,
Где было суждено мне божий свет увидеть,
Где научился я терпеть и ненавидеть,
Но, ненависть в душе постыдно притая,
Где иногда бывал помещиком и я...

Это стихотворение, написанное ещё в 1846 г., ясно определяет нам ту точку зрения, с которой Некрасов смотрит на наш старый помещичий быт. Хотя он сам был дворянского происхождения, но у него нет уже и следа идеализации дворянской жизни: он глядит на неё глазами протестующего разночинца. Она повернулась к нему своей *отрицательной* стороной, ярко выставив перед ним противоречие интересов «благородных» эксплуататоров с интересами эксплуатируемой «черни». Если поэт и вспоминает иногда о своей принадлежности к «благородному» сословию, то лишь затем, чтобы упрекнуть себя за те периоды нравственной слабости, в течение которых он, постыдно затаив «ненависть» в своей душе, сам бывал помещиком. Впечатления юных лет не оставили ничего отрадного в его душе и до краёв наполнили её враждою к крепостному порядку:

Нет! В юности моей, мятежной и суровой,
Отрадного душе воспоминанья нет;
Но всё, что, жизнь мою опутав с первых лет,
Проклятьем на меня легло неотразимым, —
Всему начало здесь, в краю моём родимом!..
И с отвращением кругом кидая взор,
С отрадой вижу я, что срублен тёмный бор, —
В томящий летний зной защита и прохлада, —
И нива выжжена, и праздно дремлет стадо,
Понурился над высохшим ручьём,
И на бок валится пустой и мрачный дом,
Где вторил звуку чаш и гласу ликований
Глухой и вечный гул подавленных страданий,
И только тот один, кто всех собой давил,
Свободно и дышал, и действовал, и жил...

Я сказал, что кого интересует идейное и нравственное содержание эпохи образованного разночинца, тот непременно должен

обратиться к поэзии Некрасова. И в самом деле, приведённый отрывок, — а я мог бы привести много таких отрывков, — представляет собой интересный образчик той психологии нового, только что нарождавшегося тогда общественного слоя, не поняв которой, мы не поймём ни так резко обнаружившегося впоследствии разрыва «детей» с «отцами», ни добролюбовских нападок на *самодуров*, ни даже писаревского «разрушения эстетики». Все эти многообразные черты одной и той же физиономии выражают собою одно и то же настроение и все они коренятся в том резко отрицательном отношении к нашему крепостному порядку, которым насквозь пропитана поэзия Некрасова. Заметьте, что отрицание не ограничивается в ней одним только *крепостным правом* или вообще одним помещичьим бытом. Нет, образованный, разночинец отрицает и ненавидит всю совокупность общественных отношений, *выросшую на почве закрепощения крестьянина*. Он враждебен дворянству; но и чиновничество не заслуживает пошады в его глазах. Он видит в чиновнике лишь другую, более прожорливую и низкопоклонную разновидность эксплуататора. Некрасов клеймит его в своей полной беспощадного сарказма «Колыбельной песне»:

По губернии раздался
Всем отрадный клик:
Твой отец под суд попался —
Явных тьма улик.
Но отец твой — плут известный —
Знает роль свою.
Спи, пострел, куда честный!
Баюшки-баю.

Передового разночинца не привлекает к себе *служебная карьера*. Если ещё Чацкий находил, что служить значит прислуживаться, то теперь передовая «интеллигенция» видит в службе школу полнейшего нравственного развращения:

Будешь ты чиновник с виду
И подлец душой,
Провожать тебя я выду
И махну рукой!
В день привыкнешь ты картинно
Спину гнуть свою...
Спи, пострел, пока невинный!
Баюшки-баю.

Политическая идея строя, выросшего на крепостной основе и, к сожалению, до сих пор не отошедшего в область исторического воспоминания, состояла и состоит в том, что мозгом страны является бюрократия, которая ведаёт все общественные нужды и удовлетворяет их в той мере, в какой признаёт их законными. Обывателям остаётся при этом ведать лишь свои частные нужды, вовсе не мешаясь в дела общественные или мешаясь в них лишь постольку, поскольку это разрешено благодетельной и предусмотрительной бюрократией. *Обыватель*, в котором пробуждается сознание обязанностей *гражданина*, до сих пор считается неблаго-

надёжным и нередко попадает в места довольно «отдалённые». В стране неограниченной власти бюрократии и безграничного произвола администрации гражданам нечего делать. Такова теория. Правда, практика давно перестала соответствовать ей в том смысле, что уже с конца XVIII в. в России появляются люди, стремления которых резко противоречат казённому идеалу. Новиков, Радищев, декабристы, Герцен, Огарёв, Белинский, петрашевцы умели смотреть несравненно дальше узкого круга своих домашних интересов и ни за что не хотели «позорить гражданина сан». Но пока старый порядок ещё не был расшатан неудержимым ходом экономического развития, эти «странные» люди представляли собою чрезвычайно отрадное, но очень редкое исключение, были теми одинокими ласточками, которые не делали весны и сами задыхались в тяжёлой атмосфере всеобщей спячки. «Зачем мы проснулись!» — с отчаянием восклицает Герцен в своём дневнике.

Только когда экономическое развитие расшатало основы крепостного порядка и выдвинуло на нашу историческую сцену целый слой образованных разночинцев, только тогда началось у нас почти непрерывное общественное движение во имя более или менее прогрессивных, более или менее широких гражданских идеалов. Чем более препятствий встречалось на пути этого движения, тем решительнее выбивались его участники из колеи обыдённых житейских занятий и тем очевиднее становилось для них, что их житейская специальность заключается в том, чтобы вовсе не иметь никакой житейской специальности, кроме специальности гражданина-борца за лучшее будущее своей страны. Некрасову делает очень большую честь то обстоятельство, что он, который сам борцом никогда не был, своим поэтическим чутьём понял психологию нового общественного типа. Уже в стихотворении «Поэт и гражданин» (1856) мы встречаем у него следующие выразительные строки:

Ах! будет с нас купцов, кадетов,
Мещан, чиновников, дворян,
Довольно даже нам поэтов,
Но нужно, нужно нам граждан!
Но где ж они? Кто не сенатор,
Не сочинитель, не герой,
Не предводитель, не плантатор,
Кто гражданин страны родной?
Где ты? Откликнись! Нет ответа.
И даже чужд душе поэта
Его могучий идеал!
Но если есть он между нами,
Какими плачет он слезами!!

До какой степени самому Некрасову не был чужд могучий идеал гражданина, показывает другое место того же стихотворения:

Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой,
Ему нет горше укоризны...
Иди в огонь за честь отчизны,

За убежденье, за любовь...
Иди и гини безупречно.
Умрешь не даром... Дело прочно,
Когда под ним струится кровь.

В другом месте, обращаясь к матери, которая грустно задумалась об участи, ожидающей её трёх отроков-сыновей, поэт говорит:

Не плачь над ними, мученица-мать!
Но говори им с молодости ранней:
Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее — тернового венка...

Тут поэзия Некрасова, никогда не бывшего *революционером*, становится *революционной* поэзией, и не удивительно, что отрывки, подобные только что приведённому, заучивались наизусть русскими передовыми людьми. Такие отрывки нисколько не утратили своего значения до настоящего времени и не утратят его до тех пор, пока передовое человечество останется вынужденным тяжёлою борьбой пролагать себе дорогу к своему идеалу. А оно, как видно, ещё не скоро избавится от этой необходимости, потому что обещанного «критиками марксизма» притупления общественных противоречий что-то нигде не заметно.

Каковы же те убеждения, за которые гражданин должен идти в огонь и, если понадобится, пролить свою кровь? В поэтических произведениях вообще странно было бы искать точно сформулированных социально-политических требований. Но, выражая стремления передового русского разночинца, поэзия Некрасова всё-таки ставит перед *гражданином* довольно определённую общественную задачу. Задача эта заключается в избавлении русского народа от многообразного гнёта, наложенного на него нашим старым, как я уже сказал, до сих пор ещё далеко не совсем устранённым, *крепостным порядком*. Как представлялось Некрасову положение русского народа, хорошо видно из цитированного уже мною стихотворения «Размышления у парадного подъезда»:

..... Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стоял.
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках на железной цепи;
Стонет он под овном, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъездов судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздаётся
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовётся:
То бурлаки идут бичевой.
Волга! Волга! весной многоводной

Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля.
Где народ, там и стон..

В служении этому несчастному народу, в борьбе с порабощающей и угнетающей его «неправдою лукавой» и заключается первая обязанность гражданина, первый долг мыслящего сына земли, не могущего «глядеть спокойно на горе матери родной»:

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода —
Прежде всего!

Это служение угнетённому народу, эта борьба за его освобождение составляет не только нравственную обязанность, но также и непреодолимую потребность честного и мыслящего человека:

Зрелище бедствий народных
Невыносимо, мой друг,
Счастье умов благородных —
Видеть довольство вокруг..

Совершенно так думала вся та самоотверженная «интеллигенция», которая уже с конца пятидесятых годов спрашивала себя: «что делать?» для того, чтобы вывести народ из его тяжёлого положения, и для которой этот проклятый вопрос поныне остаётся самым жгучим, самым «проклятым» из всех вопросов. Ввиду этого делается совершенно понятно, почему эта интеллигенция не только зачитывалась стихами Некрасова, но и ставила его талант выше таланта Пушкина и Лермонтова: он давал поэтическое выражение её собственным общественным стремлениям: его «муза мести и печали» была её *собственной музой*.

В своём предисловии к русскому переводу романа фон Поленца¹ «Крестьянин» гр. Л. Толстой высказывает сожаление о том, что за последние 50 лет сильно понизился вкус и здравый смысл русской читающей публики. «Проследить можно это положение по всем отраслям литературы, — говорит он, — но укажу только на некоторые, более заметные и мне знакомые примеры. В русской поэзии, например, после Пушкина, Лермонтова (Тютчев обыкновенно забывается) поэтическая слава переходит к весьма сомнительным поэтам: Майкову, Полонскому, Фету, потом к совершенно лишённому поэтического дара Некрасову, потом к искусственному и прозаическому стихотворцу Алексею Толстому, потом к однообразному и слабому Надсону, потом к совершенно бездарному Апухтину, а потом уже всё мешается, и являются стихотворцы, им же имя легион, которые даже не знают, что такое поэзия и что значит то, что они пишут, и зачем они пишут».

¹ Поленц В. (1861—1903) — немецкий писатель, автор натуралистического романа-трилогии о жизни крестьянства, разоряемого капитализмом. В 1898 г. Толстой написал сочувственное предисловие к русскому переводу романа Поленца.

Я не стану отмечать все неточности, содержащиеся в этом отрывке. Здесь, как и во всех суждениях гр. Л. Толстого, слишком много прямолинейности и отвлечённости. Его слова интересуют меня теперь, однако, лишь в той мере, в какой они касаются Некрасова. Но с этой своей стороны они очень поучительны. Сказать, что Некрасов совершенно лишён поэтического дара, значит высказать мысль, ошибочность которой вполне очевидна. Хотя почти каждое стихотворение Некрасова в целом отличается — как я уже указывал — более или менее значительными погрешностями против требований строгого эстетического вкуса, но зато во многих из них можно найти места, ярко отмеченные печатью самого несомненного таланта¹. А гр. Л. Толстой не замечает этих мест, потому что ему вообще совершенно чуждо всё настроение некрасовской музыки. Его собственное умственное и нравственное развитие шло путём, не имеющим ничего общего с тем, по которому двигалось умственное и нравственное развитие русского образованного разnochинца. Л. Толстой — барин до конца ногтей даже там, где он кажется революционером. В его отрицании нет ни одного атома новаторских стремлений.

Вспомните некрасовскую «Песню» из «Медвежьей охоты»:

Отпусти меня, родная,
Отпусти, не споря!
Я не травка полевая,
Я выросла у моря.
Не рыбацкий парус малый,
Корабли мне снятся,
Скучно! В этой жизни вялой
Дни так долго длятся.
Здесь, как в клетке, заперта я,
Сон кругом глубокий,
Отпусти меня, родная,
На простор широкий... и т. д.

Вспомните это стихотворение и скажите, согласилась ли бы объявить его чуждым поэтического вдохновения одна из тех, до сих пор многочисленных у нас девушек, которые рвутся на простор, — куда-нибудь «на курсы», в Петербург, в Москву, за границу, — и которым приходится встречать любвеобильное, нежное, но тем труднее преодолеваемое сопротивление со стороны матерей, отцов или вообще близких лиц. Тяжело огорчать этих лиц, трудно расставаться с ними, а между тем вялая домашняя жизнь делается всё более и более нестерпимой и всё более и более величественными и привлекательными становятся образы тех «кораблей», которые носятся по «широкому раздолью» сознательной жизни и которые «снятся» молодому воображению. И вот молодая девушка начинает верить своим близким, что только на одном из этих «кораблей» найдёт она нравственное удовлетворение и что напрасно спорят с нею дорогие ей люди, — и эти-то её речи Некрасов об-

¹ Есть у него, впрочем, и вполне безукоризненные вещи, например, хотя бы его знаменитый «Дядя Влас». (Прим. Плеханова.)

лекает в поэтическую форму: «Отпусти меня, родная!..» Как же ей не притти в восторг от его стихотворения? И как же ей не любить самого поэта? А у Некрасова много стихотворений, так же удачно выражавших чувства молодых разночинцев. И вот почему молодые разночинцы просто-напросто не поняли бы человека, который вздумал бы доказывать им, что Некрасов не поэт! «Предоставьте нам судить об этом», — сказали бы они такому человеку и были бы *совершенно правы*.

В доказательство того, что Некрасов своими стихотворениями будил и выражал прогрессивные стремления современной ему передовой молодежи, приведу одно воспоминание из моей личной жизни.

Я был тогда в последнем классе военной гимназии. Мы сидели после обеда группой в несколько человек и читали Некрасова. Едва мы кончили «Железную дорогу», раздался сигнал, звавший нас на фронтное учение. Мы спрятали книгу и пошли в цейхгауз за ружьями, находясь под сильнейшим впечатлением всего только что прочитанного нами. Когда мы начали строиться, мой приятель С. подошёл ко мне и, сжимая в руке ружейный ствол, прошептал: «Эх, взял бы я это ружьё и пошёл бы сражаться за русский народ!» Эти слова, произнесённые украдкой в нескольких шагах от строгого военного начальства, глубоко врезались в мою память; я вспоминал их потом всякий раз, когда мне приходилось перечитывать «Железную дорогу».

В служении народу Некрасов видит главную задачу гражданина. Поэтому народ становится главным героем главных его произведений. Однако что же мы узнаём от него об этом его герое? Нам уже известно, что положение его крайне тяжело. Но этого нам мало. Нам хочется знать, что же делает он сам для облегчения своей участи?

На этот счёт Некрасов сообщает нам очень мало утешительного. Его народ не умеет бороться и не сознаёт необходимости борьбы. Главной отличительной чертой этого народа является *вечное терпение*. Вот что, например, пишет Некрасов в 1858 г.:

Пожелаем тому доброй ночи,
Кто всё терпит во имя Христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не ропшут немые уста,
Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусства, в науки,
Предаваться мечтам и страстям;
Кто бредёт по житейской дороге
В безрассветной глубокой ночи,
Без понятия о праве, о боге,
Кто в подземной тюрьме без свечи...

Нельзя вообразить ничего безотраднее такой картины. Это — последняя степень подавленности. *Такому* народу только и можно пожелать что «доброй ночи»: проснувшись он неспособен. Некра-

сову, как видно, нередко приходит эта мысль: его «Размышления у парадного подъезда» оканчиваются вопросом:

..... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснёшься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинувшись закону,
Всё, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню, подобную стону,
И духовно на веки почил?..

Два года спустя, в 1860 г., Некрасов в стихотворении «На Волге» рисует бурлака, который поражает его всё тем же бесконечным терпением и всё той же тупой неподвижностью мысли:

Увылый, сумрачный бурлак!
Каким тебя я в детстве знал,
Таким и ныне увидал.
Всё ту же песню ты поёшь,
Всё ту же лямку ты несёшь,
В чертах усталого лица
Всё та ж покорность без конца...

.....
Отец твой сорок лет стонал,
Бродя по этим берегам,
И перед смертью не знал,
Что заповедать сыновьям.
И, как ему, — не довелось
Тебе наткнуться на вопрос:
Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел?..

Некрасов знает, что характеры людей складываются под влиянием окружающей их общественной среды, и нисколько не обманывает себя насчёт свойств той среды, в которой складывался русский народный характер:

Прочна суровая среда,
Где поколения людей
Живут и гибнут без следа
И без урока для детей!

Впоследствии, когда «суровая среда» утратила часть своей прочности под напором «новых веяний» шестидесятых годов и когда даже самые трезвые представители радикальной интеллигенции, — например Н. Г. Чернышевский, — не чужды были самых радужных ожиданий, у Некрасова является более отрадный взгляд на русский народ. Ему уже не приходит в голову тяжёлое сомнение относительно его будущности; напротив, будущность эта рисуется его воображению в светлых красках. Он восклицает в «Железной дороге», написанной в 1864 г.:

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет всё, что господь ни пошлёт!
Вынесет всё — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе...

Но старые впечатления ещё слишком живы в поэте, чтобы счастливое будущее русского народа могло представляться ему *близким*. Нет, оно ещё очень, очень далеко; до него не доживёт ни сам поэт, ни даже тот мальчик Ваня, с которым он разговаривает:

Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж ни придётся — ни мне, ни тебе...

А настоящее всё ещё сохраняет в себе мрачные черты недавнего прошлого. Народ попрежнему поражает своим терпением:

Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролися с голодом,
Мёрзли и мокли, болели цынгой.
Грабили нас грамотей-десятники,
Секло начальство, давила нужда...
Всё претерпели мы, божии ратники,
Мирные дети труда!

И, — тоже попрежнему, — обираемый и угнетаемый народ готов за жалкую подачку, за стакан водки чуть ли не боготворить своих притеснителей. Это, как видно, всего большее Некрасову, и только что цитированное мною стихотворение его заканчивается безотрадной сценой:

В синем кафтане — почтенный лабазник,
Толстый, присадистый, красный, как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.
Праздничный народ расступается чинно...
Пот отирает купчина с лица
И говорит, подбоченясь картинно:
«Ладно... нешто... молодца!.. молодца!..
С богом теперь по домам, — проздравляю!
(Шапки долой — коли я говорю!) —
Бочку рабочим вина выставляю
И — *недоимку дарю!*...»
Кто-то «ура» закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее... Глядь:
С песней десятники бочку катили...
Тут и ленивый не мог устоять!
Выпряг народ лошадей — и купчину
С криком ура! по дороге помчал...

Замечу мимоходом, что эта картина написана рукою истинного художника и что за неё одну можно простить Некрасову многие шероховатости и недостатки его «Железной дороги». Странно, как Л. Толстой мог пройти мимо такой сцены!

Семидесятые годы были у нас временем знаменитого «хождения в народ». Наша революционная интеллигенция надеялась, что её пропаганда и агитация скоро вызовут всенародное восстание. Некрасов высоко ценил самоотверженность революционеров. Из-

вестно прекрасное стихотворение, написанное им, если не ошибаюсь, после «процесса пятидесяти»¹ и начинающееся словами:

Смолкли честные, доблестно павшие,
Смолкли их голоса одинокие,
За несчастный народ вопиявшие..

Но по всему видно, что он ни на минуту не мог поверить в возможность широкого революционного движения в народе. В том самом стихотворении, где он с таким глубоким чувством говорит об закалённых революционерах, он называет Россию безответной страной, в которой косится всё честное и всё живое. Народное восстание, вероятно, не испугало бы его своими так называемыми ужасами. Его «великий грешник», разбойничий атаман Кудеяр, который впоследствии пошёл в монахи и на которого «некий угодник» наложил, в виде эпитимии, обязанность срубить ножом дуб в три обхвата, немедленно получил прощение грехов, когда вонзил свой нож в сердце жестокого помещика, пана Глуховского:

Только что пан окровавленный
Пал головой на седло —
Рухнуло древо громадное,
Эхо весь лес потрясло!
Рухнуло древо, скатилось
С инока бремя грехов!..

Однако вопрос заключается не в том, как отнёсся бы сам Некрасов к народному восстанию, а в том, возможно ли оно было при тогдашних обстоятельствах. Я сказал, что, по моему мнению, оно представлялось Некрасову совершенно немислимым. Правда, у него выходило так, что весело и вольготно живётся в России только тем представителям радикальной интеллигенции, которые жертвуют собою для народа:

Быть бы нашим странникам под родною крышею,
Если б знать могли они, что творилось с Гришею..

Но в том-то и дело, что странники, — крестьяне разных деревень, порешившие не возвращаться домой, пока не решат, кому живётся весело-вольготно на Руси, — не знали того, что творится с Гришею, и не могли знать. Стремления нашей радикальной интеллигенции оставались неизвестны и непонятны народу. Её лучшие представители, не задумываясь, приносили себя в жертву его освобождению; а он оставался глух к их призывам и иногда готов был побивать их камнями, видя в их замыслах лишь новые козни своего наследственного врага — дворянства. И в этом за-

¹ Процесс пятидесяти — процесс революционной молодёжи, происходивший в Петербурге в 1877 г. Среди подсудимых был ткач П. А. Алексеев, произнёсший на суде замечательную речь, в которой яркими красками нарисовал положение рабочего класса и крестьянства в России после 1861 г. По этому процессу 15 человек было приговорено к каторге.

ключалась великая трагедия истории русской радикальной интеллигенции. Некрасов *по-своему* переживал эту трагедию. Он, считавший себя призванным воспеть страдания русского народа, грустно говорит почти накануне своей смерти:

Скоро я стану добычею тленья,
Тяжело умирать, хорошо умереть;
Ничьего не прошу сожаленья,
Да и некому будет жалеть.
Я дворянскому нашему роду
Блеска ляррой моей не стяжал;
Я настолько же чуждым народу
Умираю, как жить начинал.

Грустный итог! Тяжёлое сознание! И замечательно, что очень скоро после смерти Некрасова почти подобный же итог многие передовые люди увидели в результате своих просветительных усилий в крестьянстве. Некрасов умер 27 декабря 1877 г. А в конце 1879 г. тайно выходящая в России революционная газета «Народная воля» объявила, что работать в народе при настоящих условиях — значит *биться, как рыба об лёд*. Это было совершенно равносильно признанию того, что в конце семидесятых годов радикальная интеллигенция оставалась такою же *чуждою* народу, какой она была в ту эпоху, когда Некрасов «жить начинал».

Существующие условия делали невозможной революционную работу в народе; а без революционной работы в народе нельзя было надеяться на изменение к лучшему существующих условий, как это ясно показала неудача «Партии Народной воли», пытавшейся силами одной интеллигенции положить конец нынешнему нашему порядку вещей. Вся духовная история нашей радикальной интеллигенции сводится к усилиям разрешить это противоречие.

Теперь оно, к величайшему счастью, уже разрешено жизнью, т. е. тем самым ходом экономического развития, который сделал когда-то необходимыми реформы Александра II.

Теперь, под влиянием экономического развития, в нашем «народе» появился новый класс, несравненно более чуткий, подвижной, отзывчивый и нетерпеливый, нежели *то крестьянство*, которое надрывало сердце Некрасова своими *стонами* и доводило его до отчаяния своим *долготерпением*. Этот класс, — *класс пролетариев*, — очень недвусмысленно показывает нам, что он совсем не намерен «*почтительно*» предоставить высшим классам наслаждение всеми материальными и духовными благами жизни, ничего не оставляя на свою долю, кроме тяжёлого физического труда. Русский пролетарий живёт уже не в «*безрассветной, глубокой ночи*»: он, в лице лучших представителей своего класса, уже видит яркую зарю своего освобождения. Его «*суровые очи*» не «*плачут*»: они горят благородной жаждой борьбы с гордым сознанием своей силы. Его «уста» не остаются «*немыми*»: они зовут на битву. И странно было бы желать ему «*доброй ночи*», — ему, который стращивает с себя тяжёлый сон и бодро принимается за свою великую историческую работу.

С появлением пролетариата у нас началась новая эпоха, заме-

чательная тем, что даже крестьянин не так неподвижен теперь, как был он при жизни Некрасова. Новые экономические отношения, заново переделывая нашу общественную, когда-то столь «прочную» среду, заново переделывают также и наш народный характер.

Некрасову не суждено было дожить до новой эпохи. Но если бы он дожил до неё, он увидел бы, что в современной России есть люди, которым, несмотря ни на что, живётся много веселее и гораздо вольготнее, чем жилось его Грише: эти люди — работники, пролетарии, посвятившие себя борьбе за освобождение своего класса и *твёрдо убеждённые в исторической неизбежности этого освобождения.*

А узнав и поняв этих, новых на Руси, людей, он, может быть, написал бы в их честь новую вдохновенную «песню», не «*голодную*» и не «*солёную*», а *боевую*, — русскую марсельезу, в которой попрежнему слышались бы звуки «*мести*», но зато звуки «*печали*» заменились бы звуками радостной *уверенности в победе.* С изменением народного характера изменился бы, может быть, и характер его музыки.

Но смерть давно уже скосила Некрасова. Поэт *разночинцев* давно уже сошёл с литературной сцены, и нам остаётся ждать появления на ней нового поэта, *поэта пролетариев.*

БИБЛИОГРАФИЯ

Издания произведений Некрасова

Стихотворения Н. Некрасова. Посмертное издание, т. I, П. 1879 (произведения 1854—1860 гг.); т. II (произведения 1861—1872 гг.); т. III (произведения 1873—1877 гг.) и т. IV (Приложения. Примечания. Указатели). Из вышедших до революции собраний стихотворений Н. А. Некрасова это издание является лучшим.

Некрасов Н. А., Полное собрание стихотворений, редакция и примечания К. Чуковского, М.—Л. 1927, изд. 7-е, 1934 г.

Некрасов Н. А., Полное собрание сочинений, под ред. В. Евгеньева-Максимова и К. Чуковского, 5 тт., М.—Л. 1929—1930.

Некрасов Н. А., Тонкий человек и другие неизданные произведения, «Федерация», М. 1928.

Некрасов Н. А., Жизнь и похождения Тихона Тросникова, М.—Л. 1931.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА О НЕКРАСОВЕ

Биография

Ветринский Ч., Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников, письмах и несобранных произведениях, М. 1911.

Кони А. Ф., Некрасов, Достоевский по личным воспоминаниям, П. 1921.

Дейч Л., Некрасов и семидесятники, «Пролетарская революция», т. III, 1921.

Панаева А. Я., Воспоминания, «Academia», Л. 1927; 4-е изд., М.—Л. 1933.

Анненков П. В., Литературные воспоминания, Л. 1928.

Плеханов Г. В., Похороны Некрасова (в книге «Г. В. Плеханов — литературный критик», 1933).

Бельчиков Н. Ф., Н. А. Некрасов и цензура, «Красный архив», т. I, 1922. «Книга и революция», ежемесячный критико-библиографический журнал, № 2 (14), 1921.

Ашукин Н. С., Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова, «Academia», М.—Л. 1935.

Некрасов в критике

Зайцев В. А., Стихотворения Н. Некрасова, Избранные соч., т. I, 1934.

Пыпин А. Н., Н. Некрасов, СПб. 1905.

Евгеньев-Максимов В. Е., Некрасов как человек, журналист и поэт, М.—Л. 1928.

Евгеньев-Максимов В. Е., Некрасов и его современники, М. 1930.

Евгеньев-Максимов В. Е., Н. А. Некрасов в кругу современников, Л. 1938.

Зелинский В., Сборник критических статей о Некрасове, I, II и III ч. изд. 2-е, 1903—1905. (В сборник Зелинского вошли преимущественно статьи о Некрасове, появившиеся при жизни поэта.)

Розанов И. Н., Н. А. Некрасов. Жизнь и судьба, П. 1924.

Чуковский К. И., Некрасов. Статьи и материалы, изд. Кубуч-Л. 1926.

Чуковский К. И., Рассказы о Некрасове, 1930.

Плеханов Г. В., Н. А. Некрасов, Соч., т. X, М.—Л. 1925.

Луначарский А. В., Пушкин и Некрасов, «Известия ВЦИК», № 273, 1921.

Луначарский А. В., Н. А. Некрасов (см. в настоящем сборнике).

Луначарский А. В., Н. А. Некрасов и место поэта в жизни, «Революция и культура», № 1, 1928.

Андреевский С., Некрасов, сборник «Литературные очерки», изд. 3-е. СПб. 1902.

Слонимский А. Л., Некрасов и Маяковский, «Книга и революция», № 2 (14), 1921.

Эйхенбаум Б. М., Некрасов, сборник «Сквозь литературу», Л. 1924.

Тынянов Ю. Н., Стиховые формы Некрасова, сборник «Архаисты и новаторы», Л. 1929.

Шимкевич К., Пушкин и Некрасов, в сборнике «Пушкин в мировой литературе», 1926.

Сакулин П. Н., Некрасов, М. 1928.

Андреев Н. П., Фольклор в поэзии Некрасова, «Литературная учёба», № 7, 1936.

Кубиков И. Н., Поэзия Некрасова, «Московский рабочий», 1928.

Кубиков И. Н., Комментарий к поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», М. 1933.

Степанов Н., Поэзия Некрасова, «Литературная учёба», № 3—4, 1933.

Степанов Н., Как писал стихи Некрасов, там же.

Кирпотин В. Н., Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. Н. А. Некрасова, т. II, кн. I, М. 1937.

Кирпотин В., Творчество Некрасова, изд. «Советский писатель», 1937.

Еголин А., Некрасов — поэт крестьянской демократии, Гослитиздат, М. 1935.

Еголин А., Некрасов, Критико-биографический очерк, М. 1941.

«Творчество Некрасова», сборник статей под ред. проф. А. М. Еголина, «Труды Московского института истории, философии и литературы», т. III, филологический факультет, М. 1939.

Библиографические пособия и справочники

Голубев А. Н., Н. А. Некрасов, СПб. 1878 (дан указатель журнальной и газетной литературы о Некрасове за 1840—1878 гг., составленный С. Пономарёвым).

Лобов Л., Библиографический обзор литературы о Некрасове, СПб. 1903.

Венгеров С. А., Источники словаря русских писателей, т. IV, П. 1917.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Стр.

В. И. Ленин о Некрасове 3

I

А. Еголин. Литературная борьба вокруг Некрасова 7

II

Н. Чернышевский о Некрасове 30
Д. Писарев о Некрасове 55
В. Зайцев. Стихотворения Н. Некрасова 57
Г. В. Плеханов. Н. А. Некрасов 67
Дооктябрьская «Правда» о Некрасове 81

III

А. Луначарский. Н. А. Некрасов 87
П. Сакулин. Некрасов 91
В. Евгеньев-Максимов. К вопросу об источниках поэзии Некрасова 109
В. Евгеньев-Максимов. Замечательный редактор и журналист 134
К. Чуковский. Некрасов как художник 137
Н. Андреев. Фольклор в поэзии Некрасова 158
Б. Бухштаб. О «муравьевской оде» Некрасова 183
А. Еголин. Некрасов в борьбе за свободную родину 190

Приложения

Краткая хронологическая канва жизни и творчества Н. А. Некрасова . 205
Библиография 208

1944 г.
АНТ №
Вкладн. л. 889/16

ЛМ 6235